

С. Н. Тукало

ПРЕДПОСЫЛКИ СОЗДАНИЯ И ОСОБЕННОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ
МИНСКОГО ГЕТТО В ИЮЛЕ–АВГУСТЕ 1941 ГОДА
(на основе анализа документальных и историографических источников)

Летом 1941 г. немецко-фашистские захватчики установили на территории Беларуси жесткий оккупационный режим кровавого террора, насилия и беззакония, основой которого стали расовая теория, антисемитизм и жизненное пространство. Гитлер и его приближенные «...открыто декларировали свои антигуманные цели, основанные на доктрине расового превосходства, ...

высказывались о расовой неполноценности евреев, славян и других народов, о необходимости их физического уничтожения» [1, с. 5]. Так 25 мая 1940 г. рейхсфюрер СС Генрих Гиммлер весьма определенно высказывался по поводу предстоящего общения немцев с местным населением восточных областей: «...Я надеюсь, что нам удастся полностью уничтожить понятие “еврей”, так как существует возможность массового переселения всех евреев в Африку или в какую-либо другую колонию...» [2].

Весной 1941 г. Г. Гиммлер поручил сотрудникам спецотдела СД, которые в свою очередь подчинялись Адольфу Эйхману, подготовить «окончательное решение еврейского вопроса» – план физического уничтожения евреев, первоочередно на территории СССР. В доказательство этому приведем высказывание рейхсминистра оккупированных восточных областей Альфреда Розенберга, который считал, что «...первой основной целью немецких мер, совершаемых в этом вопросе, должно быть строжайшее отделение евреев от остального населения... Все права на свободу нужно отнять у евреев, они должны помещаться в гетто и в то же время должны быть разделены согласно полу... данные гетто могут находиться под командованием еврейского самоуправления, с еврейскими чиновниками. Однако охрана таких гетто и отделение их от остальной местности должны быть поручены полиции..., необходимо проследить, чтобы были введены суровые меры, которые бы запрещали продолжение кровосмешения между евреями и остальным населением» [3, с. 356].

После оккупации немцами Минска военную администрацию возглавил начальник тыла группы армий «Центр», командующий охранными войсками генерал Максимилиан фон Шенкендорф. В городе власть находилась в руках военной комендатуры и полевого коменданта. Отметим при этом, что период так называемого военно-комендантского правления продолжался до 1 сентября 1941 г., когда последнее было сменено на гражданское управление. Тем не менее, учитывая тот факт, что власть перешла к гражданской оккупационной администрации, в городе, однако, остались оккупационные войска вермахта. Высшим органом гражданской оккупационной администрации в Генеральном округе Беларусь являлся генеральный комиссариат, который возглавил Вильгельм Кубе (до 22 сентября 1943 г.).

Безусловно, судьба белорусов была тесно связана с судьбой многотысячного еврейского населения, которое, как и коренные жители Беларуси, прошло через многочисленные страдания и лишения. Нацисты постепенно осуществляли решение «еврейского вопроса», разработали чудовищную и скрупулезную систему ликвидации граждан этой национальности. Минск в некотором смысле был избран немцами в качестве «научного центра» по отработке на практике изошренных методов систематического, тщательно спланированного уничтожения большого количества неполноценных, согласно нацистской идеологии, в расовом отношении людей. Масштабная катастрофа белорусских и иностранных евреев началась именно в Минском гетто, которое было одним из крупнейших гетто на оккупированной территории Европы.

Постепенная и систематическая ликвидация еврейского населения началась осенью 1941 г., однако уже в июле и августе немцы перешли к истреблению еврейской интеллигенции, особенно учителей, профессоров, адвокатов и советских служащих, исключая медицинских работников [4; 5]. Этому предшествовали некоторые распоряжения и приказы оккупантов.

В первые дни оккупации был проведен очень точный, несколько раз продублированный учет городского населения, который, кстати, неоднократно повторялся потом гражданской оккупационной администрацией [6; 7]. Регистрация минчан по приказу полевого коменданта проходила в заявочном бюро Минского городского управления. В конце июня 1941 года немецкое командование издало приказ, согласно которому все мужское население города без учета национальности в возрасте от 18 до 45 лет обязано было явиться на регистрацию в район Театра оперы и балета. При себе граждане обязательно должны были иметь военный билет и паспорт (мужчины от 16 до 18 и старше 45 лет регистрировались у казарм на улице Фрунзе – *С. Т.*).

Житель столицы М. И. Бруднер вспоминал, что в то время все те, кто явились на регистрацию, «были заключены в лагерь военнопленных (лагерь военнопленных в урочище Дрозды – *С. Т.*). Через некоторое время из тех, кого держали в лагере, были выделены в специальную группу евреи, ... евреев заключили в городскую тюрьму ... из числа последних отобрали инженеров, врачей, бухгалтеров и возле лагеря расстреляли» [8, с. 181–183].

Как отмечал М. И. Бруднер далее, «освободив евреев из тюрьмы, немцы направили нас в распоряжение еврейского комитета. В еврейском комитете нам объявили, что немедленно нужно переселиться в еврейский район, в так называемое гетто. Все евреи со всего города переселились в гетто. Набралось свыше 80 тыс. человек...» [Там же].

До 15 июля 1941 года регистрация евреев была завершена. Это общепринятое в историографии утверждение. Однако, анализируя немецкие документы и фиксируя воспоминания свидетелей Холокоста, можно сделать вывод, что регистрация населения еврейским советом (юденратом – *С. Т.*) до 15 июля так и не завершилась, а продолжалась вплоть до 25 июля 1941 года, то есть уже после обнародования официального приказа о создании Минского гетто. Сначала о прохождении регистрации делалась соответствующая отметка в советском паспорте. Если паспорта не было, всем лицам, прошедшим регистрацию, кроме еврейского населения, выдавался временный документ на жительство. Более того, по городу стали распространяться слухи о том, что незарегистрированные евреи при переселении не получают квартир [9; 10]. Поэтому люди, подгоняемые слухами и паникой, спешили на регистрацию в еврейский комитет.

Евреи строго отделялись от остального населения на основе многочисленных приказов оккупационных властей. Учет еврейского населения велся отдельно от горожан других национальностей. Именно регистрация и должна была решить еврейскую проблему для быстрого переселения граждан еврейской национальности в Минское гетто.

15 июля 1941 года был вывешен приказ за подписью комиссара города Минска и Минского округа доктора Бернхарда Кайзера (занимал эту должность по ноябрь 1941 года, курировал вопросы, связанные с административно-хозяйственным управлением города – *С. Т.*) и Тумаша (с июля по конец 1941 года – бургомистр города) об организации еврейского гетто. В приказе отмечалось, что все евреи должны «в обязательном порядке» переселиться в гетто.

Между прочим, Б. Кайзер находился на своем посту короткий промежуток времени. Причина в том, что было принято решение о разделении полномочий. Комиссаром Минского района остался Кайзер, а на должность городского комиссара генеральный комиссар генерального округа Беларусь В. Кубе предложил назначить своего знакомого Вильгельма Янецке. Поэтому 9 ноября 1941 года он приехал в Минск и уже на следующий день принял дела у своего предшественника Б. Кайзера. 1 декабря В. Янецке торжественно вступил в свою новую должность (оставался городским комиссаром до 30 сентября 1943 г., когда его сменил И. Беккер – *С. Т.*) [11, с. 38].

Окончательно Минское гетто было создано 19 июля 1941 года (в этот день в Минске состоялась встреча М. фон Шенкендорфа и начальника СС и полиции генерального округа Беларусь Карла Ценнера, на которой обсуждались вопросы взаимодействия и задачи уничтожения евреев – *С. Т.*) – вышел приказ (состоял из 12 пунктов), подписанный комендантом 812 полевой комендатуры, в котором отмечалось, что «с изданием этого распоряжения в г. Минске выделяется специальная часть города исключительно для расселения евреев» [12]. Уточняющие, довольно интересные факты по данному аспекту приводит бывший узник Минского гетто Х. И. Рубинчик: «...переселиться в гетто нужно было до 20.07.1941 (согласно приказу полевого коменданта переселение должно было начаться сразу же после обнародования распоряжения, то есть 20 июля 1941 года и завершиться в течение 5 дней. Однако на практике оно продолжалось до 1 августа – *С. Т.*). С 01.08.1941 гетто было уже оформлено...» [13, с. 179–180].

Таким образом, летом 1941 года все евреи Минска были согнаны в гетто – район принудительного поселения еврейского населения. По количеству узников Минское гетто на оккупированной территории СССР и Европы занимало третье место после Варшавского в Польше и Львовского на Украине. Заметим, что Минское гетто имело одну важную особенность, отличающую его от других мест заключения евреев: здесь находились разные категории узников – местные евреи, евреи-беженцы из западных областей Беларуси и депортированные евреи из стран Западной Европы. В территорию гетто вошло около 40 улиц и переулков в северо-западной части города: Колхозный переулок, улица Колхозная, река Свислочь, улица Немига, исключая православную церковь, Республиканская (во время оккупации – Миттельштрассе, сейчас – Романовская Слобода – *С. Т.*), Шорная, Коллекторная улицы, Мебельный переулок, ул. Челюскинцев, Перекопская, Низовая, также улица Островского (сейчас Раковская – *С. Т.*) и Обувная, Юбилейная площадь, ул. Кирова, Опанского (сейчас Кальварийская – *С. Т.*), Татарская, Замковая, Подзамковая, Заславская и др. [14].

Евреям категорически запрещалось находиться за пределами Минского гетто (под угрозой расстрела – *С. Т.*), однако во время переселения им разрешалось взять с собой нажитое домашнее имущество. Согласно приказу, лица, задержанные во время вывоза либо похищения чужого имущества, должны быть расстреляны на месте. Евреи включались в созданные немцами рабочие колонны и могли покинуть еврейский жилой район только со специальным направлением к месту работы, которое выдавалось Минским городским управлением. За нарушение данного пункта также предусматривался расстрел.

С целью более развернутого, детального рассмотрения вопроса, касающегося использования рабочей силы еврейского населения в июле-августе 1941 года, проанализируем некоторые архивные документы, которые предшествовали приказу от 19 июля 1941 года. 16 июля 1941 года разведотдел командования вермахта «Остланд» докладывал из Минска в Берлин: «в отдельных городах, и прежде всего в Минске, из трудоспособных евреев мужского пола созданы рабочие колонны, которые используются на разнообразных работах и в первую очередь по расчистке города» [15]. В разделе «Особые указания» распоряжения полевой комендатуры Минска для бургомистров также находим аналогичные сведения: «а) проживающие на русской территории евреи мужского пола в возрасте от 14 до 60 лет подлежат зачислению на принудительные работы. Распоряжение это нужно сейчас же привести в исполнение. Евреи для этой цели после переписи разделяются на принудительные и трудовые отделения. б) для точного подсчета всех трудоспособных евреев бургомистрам необходимо завести карточки. За правильность карточки отвечают бургомистр и Еврейский совет. в) приказы для назначения евреев на работу нужно оформлять по распоряжению немецких властей. Евреев назначают на работу только в том случае, если уже не имеется безработных христианских сил. Евреи, назначенные на принудительные работы, должны незамедлительно явиться в назначенное место. г) всем трудоспособным евреям строго запрещается без письменного разрешения полевой комендатуры продавать, закладывать или передавать другому лицу принадлежащие им ремесленные инструменты. д) наличную оплату они не получают, им можно выдавать продовольствие, если еврей не зарабатывает в другом месте» [16]. Кстати, соответствующий пункт через год (30 ноября 1942 года – *С. Т.*) был полностью закреплен новой экономической инструкцией, запрещающей денежную оплату труда еврейского населения. В данном случае в качестве компенсации за работу евреев председатель Еврейского комитета действительно получал пищевые продукты и предметы первой необходимости. Последние, к сожалению, поступали в весьма ограниченных скудных количествах и совсем плохого качества [17].

Трудоиспользование евреев регулировала исключительно биржа труда городского комиссара, которая находилась в его подчинении с осени 1941 года и занималась распределением всей рабочей силы, в том числе местных и иностранных евреев. Отдельно для еврейского населения существовал филиал биржи труда в самом Минском гетто [18]. Заявки на еврейскую

рабочую силу должны были подаваться только туда. Еврейскому совету запрещалось без требования и предписания биржи труда городского комиссара выделять и направлять еврейскую рабочую силу. Это было недопустимо. Все еврейские специалисты, ремесленники обязаны были иметь подтверждение и даже удостоверение биржи труда, которое предъявлялось с началом трудовой деятельности еврея на предприятии. Удостоверение одновременно служило и пропуском для выхода из гетто [18].

Необходимо отметить, что в отделе работы еврейского комитета была создана специальная картотека на трудоспособное население гетто. Городские власти регулярно давали запрос на необходимое количество рабочих для предприятий и учреждений города. Евреи строились в рабочие колонны и в сопровождении охраны направлялись на работу.

Рабочая сила евреев использовалась в учреждениях вермахта, немецкого гражданского управления, на объектах промышленного производства. Немецкими властями даже планировалось преобразовать Минское гетто не только в местожительство узников, но и в постоянное место работы граждан еврейской национальности. Такие амбициозные циничные цели немецкая гражданская оккупационная администрация подкрепляла значительными экономическими благами и позитивными перспективами. Утверждалось, что с введением данных планов в реальную жизнь в оккупационных условиях могут быть решены многие экономические вопросы. Во-первых, как считали представители немецкой оккупационной администрации, исчезнет постоянная необходимость доставлять евреев к месту работы, что в свою очередь требует задействования значительного количества ресурсов, во-вторых, сосредоточение в самом гетто еврейской рабочей силы и ее эффективное использование на месте дает возможность полностью и стабильно контролировать рабочий процесс и таким образом избежать экономических просчетов и сбоев промышленного производства, в-третьих, рабочий день ежедневно можно увеличивать не менее чем на два часа [17].

Следует подчеркнуть, что согласно приказу от 19 июля 1941 года право входа в еврейский район Минского гетто (существовало только два официальных входа и выхода – по улице Островского и Опанского – *С. Т.*) имели только евреи, а также (по служебным делам – *С. Т.*) военнослужащие немецких военных формирований и сотрудники Минского городского управления. Перелезть через заграждение строго запрещалось, немецкой охране и вспомогательной полиции был отдан ясный приказ: стрелять в нарушителей без предупреждения. Граждане еврейской национальности облагались огромной контрибуцией размером 30 тыс. червонцев за «компенсацию расходов, связанных с переселением» [14]. Выдержки из архивного документа свидетельствуют: «...после завершения процесса переселения весь квартал, отведенный для жительства евреям, подлежит изолированию от остальной части города путем возведения стены из сухой кладки. Стена должна быть возведена жителями еврейского района. Для этого используется кирпич из нежилых и разрушенных зданий... Категорически запрещается евреям, включенным в рабочие колонны, пребывание за

пределами отведенного им жилищного района... Еврейский совет г. Минска полностью отвечает за выполнение приказа о переселении евреев... Порядок в еврейском жилищном районе поддерживают специальные еврейские дружины охраны» [14]. При этом нельзя не указать на следующее обстоятельство: еврейская служба порядка подчинялась именно еврейскому совету старейшин и использовалась последним исключительно для выполнения распоряжений и указаний немецких учреждений и городского управления [5].

Кроме приказа коменданта 812 полевой комендатуры от 19 июля 1941 года, который предусматривал создание и организацию Минского гетто, существует еще один важный и редкий немецкий документ, который строго регламентировал жизнь еврейского населения столицы и кардинально ограничивал их права и свободы. Речь идет об административно-хозяйственном распоряжении (от 21 августа 1941 года – *С. Т.*) М. фон Шенкендорфа по поводу запрета евреям на свободу передвижения и торговлю [19]. Данный документ для облегчения строгого и постоянного контроля за деятельностью евреев постановлял: 1) запретить гражданам еврейской национальности покидать район своего местожительства (как видим, подобный пункт есть и в приказе от 19 июля 1941 года – *С. Т.*). При этом исключение составляли евреи, имеющие письменное разрешение от местной комендатуры, выданное в виде специального документа в интересах германского вермахта; 2) евреям запрещалась любая торговля (закупка и продажа) с местным арийским (нееврейским) населением (отметим, что торговля и обмен товарами с «русским» населением, которое проживало за пределами Минского гетто и входило в территорию «русского района» города также запрещались и безусловно наказывались расстрелом – *С. Т.*). Хотя запрет не касался евреев, работающих по разрешению немецких учреждений совместно с коммерческими и промышленными предприятиями; 3) нарушения вышеперечисленных пунктов наказывались со всей строгостью [19].

Приказ полевого коменданта от 19 июля 1941 года и административно-хозяйственное распоряжение от 21 августа того же года позже были подкреплены и значительно дополнены новым документом оккупационных властей. Это приказ комиссара Минского округа Б. Кайзера (от 14 октября 1941 года – *С. Т.*), который предназначался для ознакомления бургомистрам. Документ содержал следующие положения: «жидам запрещается: 1) Перемена местожительства и квартиры (гетто) без разрешения областного (городского) комиссара (опять же замечаем, что первый пункт является основным для исполнения, как в июльском и августовском распоряжениях – *С. Т.*). 2) Использование тротуаров, гражданских средств движения и автотранспорта. 3) Использование принадлежащих для отдыха гражданских парков и построек, поскольку они находятся вне территории гетто. 4) Посещение школ всех видов. 5) Владение автотранспортом» [16].

Приказ Б. Кайзера от 14 октября 1941 года с небольшими изменениями дублировал четвертый раздел особых секретных «предварительных директив», изданных рейхскомиссаром рейхскомиссариата Остланд Генрихом Лозе под названием «Об отношениях к евреям в районе рейхскомиссариата Остланд»

10 августа 1941 года [20]. Акцентируя внимание на «предварительных директивах», которые содержат важные сведения об основных направлениях антисемитской политики геноцида (это касается и Минского гетто – *С. Т.*), выделим самое главное: во-первых, «директивы» Г. Лозе опубликовать не планировалось и тем более рекомендовалось довести их до понимания еврейского населения только в устной форме. Разумеется, в значительно искаженной немецкой интерпретации, когда еврейских граждан убеждали в «правильности» проводимых немцами мероприятий и их «важности» для всего еврейского народа.

Во-вторых, тотальному уничтожению согласно первому разделу «директив» подлежали евреи, проживающие на территории немецкого Рейха, протектората Чехии и Моравии, Польши и СССР. Во втором разделе говорилось о том, кто является «настоящим (чистым)» евреем и наоборот: «евреем надо считать того, у кого ... трое из четырех возможных дедушек и бабушек были чистокровными евреями» [Там же]. Последние признавались за таких также в том случае, если после 20 июня 1941 года поженились или имели половое сношение с евреем или еврейкой. Причем эти люди подлежали безусловной изоляции от остального населения и постепенному переселению в специально отведенный для таких граждан еврейский жилой район – гетто. Согласно третьему разделу «предварительных директив», городской либо окружной комиссар имел абсолютное право сам решать (если он сомневался, или в других случаях, которые могли быть как объективными, так и субъективными – *С. Т.*), кто является чистокровным евреем. Таким образом судьба и жизнь последнего зависела от воли представителя немецкой администрации [Там же].

Так, летом–осенью 1941 года жизнь еврейского населения в гетто кардинально изменилась, не в пользу евреев, разумеется. И это было только начало кровавой политики геноцида, проводимой немецко-фашистскими оккупантами на территории Беларуси. Правда в том, что главный итог создания и организации Минского гетто – это настоящая трагедия белорусских евреев, оказавшихся в сложный промежуток времени под «колесами» германской машины нацизма.

Можно утверждать определенно, опираясь на документальные источники по Минскому гетто: летом–осенью 1941 года начался первый этап тщательно спланированной нацистами политики геноцида, подготавливалась кровавая почва для последовательного систематического, массового и постепенного уничтожения еврейского населения Минска.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Замковой, В. И.* Германский фашизм – одна из главных форм тоталитаризма / В. И. Замковой. – М. : Велес, 1994. – 39 с.
2. Некоторые соображения рейхсфюрера СС Гимmlера об обращении с местным населением восточных областей (25 мая 1940 г.) // Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Ф. 4683. Оп. 3. Д. 926. Л. 1.

3. Нюрнбергский процесс : сб. материалов : в 2 т. – М. : Гос. издат., 1955. – Т. 1. – 935 с.
4. Нацистская политика геноцида и «выжженной земли» в Белоруссии, 1941–1944 / З. И. Белуга [и др.]. – Минск : Беларусь, 1984. – 271 с.
5. Сообщения айнзатцгрупп и команд (13 июля 1941 г.) // НАРБ. – Ф. 4683. Оп. 3. Д. 943. Л. 93.
6. Гісторыя Беларускай ССР : у 5 т. / рэдкал. : М. І. Ігнаценка [і інш.]. – Мінск, 1975. – Т. 4 : Беларусь напярэдадні і ў гады Вялікай Айчыннай вайны Савецкага Саюза (1938–1945 гг.). – 640 с.
7. НАРБ. – Ф. 4683. Оп. 3. Д. 1037. Л. 186, 187.
8. Преступления немецко-фашистских оккупантов в Белоруссии. 1941–1944 : сб. док. и материалов / И. П. Ховратович [и др.] ; под. общ. ред. И. П. Ховратовича. – Минск : Гос. издат. БССР, 1963. – 436 с.
9. Из воспоминаний А. С. Мачиз (бывшая узница Минского гетто) // НАРБ. – Ф. 4п. Оп. 33а. Д. 656. Л. 182–207.
10. Беседа с партизаном 3-го отряда бригады Никитина т. Р. М. Бромбергом, находившемся в г. Минске по 2-е сентября 1942 г. // НАРБ. – Ф. 4п. Оп. 33а. Д. 657. Л. 176.
11. Генацыд у Другой сусветнай вайне : праблемы даследавання (у памяць ахвяр Трасцянца) : матэрыялы Міжнар. навук. канф., Мінск, 25–27 крас., 2002 г. / Бел. дзярж. ун-т ; рэдкал. : К. І. Козак (адк. рэд.) [і інш.]. – Мінск, 2003. – 279 с.
12. Распоряжение полевого коменданта о создании гетто в г. Минске (19 июля 1941 г.) // НАРБ. – Ф. 4683. Оп. 3. Д. 937. Л. 6–7.
13. Холокост в Беларуси. 1941–1944. Документы и материалы / НАРБ ; редкол. : В. И. Адамушко [и др.]. – Минск : НАРБ, 2002. – 275 с.
14. Загад камянданта 812 палявой камендатуры ад 19 ліпеня 1941 г. / НАРБ. – Ф. 359. Оп. 1. Д. 8. Л. 1–2.
15. Из доклада разведотдела командования вермахта «Остланд» в Берлин (16 июля 1941 г.) // НАРБ. – Ф. 4683. Оп. 3. Д. 1047. Л. 3.
16. Приказ комиссара Минского округа доктора Б. Кайзера для ознакомления бургомистрам (14 октября 1941 г.) // Гос. архив Мин. обл. (ГАМО). – Ф. 623. Оп. 2. Д. 1. Л. 155, 208, 209, 217.
17. НАРБ. – Ф. 370. Оп. 1. Д. 486. Л. 20.
18. Распоряжение комиссара Минска о трудоустройстве евреев (26 октября 1941 г.) // НАРБ. – Ф. 370. Оп. 1. Д. 655. Л. 5.
19. Из административно-хозяйственного распоряжения командующего тылом группы армий «Центр» генерала от инфатерии фон Шенкендорфа о запрещении евреям свободы передвижения и торговли (21 августа 1941 г.) // НАРБ. – Ф. 412. Оп. 1. Д. 19. Л. 118, 120.
20. «Предварительные директивы» Г. Лозе «Об отношении к евреям в области рейхскомиссариата Остланд» (10 августа 1941 г.) // НАРБ. – Ф. 378. – Оп. 1. Д. 698. Л. 7–11.